

КОММЕНТАРИЙ ПЕРВЫЙ

Мы не будем описывать таинства пасхальных бдений христиан. Но в нашем доме Пасха присутствует непрерывно из года в год при любой политической и экономической погоде.

Куличи — «благословение артоса». Артос — в переводе с греческого означает — хлеб. История просфоры с изображением на ней креста такова: апостолы потеряли своего Учителя. Собираясь за трапезой и вспоминая вознесшегося в духовные небеса Спасителя, апостолы оставляли для Него кусочек хлеба. Завершив трапезу, они поднимали этот хлеб к небу со словами: «Христос воскрес!» Этот апостольский обычай навсегда сохранился в Церкви. Артос напоминает нам о воскресшем Господе и о том, что Спаситель для нас — истинный хлеб. Обычай печь дома пасхальные куличи символизирует приготовление домашнего артоса.

Братское целование

Христосование — троекратное целование со словами «Христос воскрес» — обычай, как утверждают историки, очень древний, раньше он исполнялся в церкви

после каждой литургии, как обет верности братьев и сестер во Христе. В новое время это происходит после последней стихии пасхального канона — обряд христосования. Кроме того, от братского целования апостолов осталось в мировой культуре выражение: «поцелуй Иуды», то есть поцелуй друга, брата, ученика, предавше-

го какого-либо человека, подобно ученику Иуде, который выдал Христа римским солдатам посредством поцелуя: «Он — тот, которого я поцелую...»

О матери Христа

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

А. Ахматова,
«Распятие», 1940 год.

Материнство более всего чтится христианством. Теряя своих детей, матери настойчиво ищут связи с ними в потустороннем, а может быть и в горнем мире. В канонических Евангелиях о Матери Спасителя сказано мало. Но по верованиям созданной христианами церкви прежде всех людей, прежде апостолов и жен-мироносиц о воскресении Господа было возведено Матери. По объясне-

нию первых богословов так совершилось потому, что по мудрой воле божьей надлежало, чтобы спасительная тайна воскресения Христа немедленно принята была людьми с живой и твердой верой, с глубоким разумением силы такой веры и с полной радостью.

Но кто из людей поверит быстрее Матери, утратившей Сына?

Все не вдруг поверили. А Матери Божьей было возведено о воскресении Иисуса Христа в ту самую минуту, как он воскрес из гроба: «Ангел, явившись Благодатной, вопиял ей: «Чистая Дево, радуйся. Твой Сын воскрес, тридневен из гроба». Хотя в Евангелиях об этом умолчено, но святая Церковь не без основания в своих песнопениях возвещает:

«Воскресшего видевши Сына твоего и Бога, радуйся со апостолами, Богоблагодатная Чистая».

В комментариях использованы тексты И. Панкеева из книги «От крестин до поминок». Советуем завести ее в своей домашней библиотеке.

КОММЕНТАРИЙ ТРЕТИЙ

Анна ТУРУСОВА

Вплавь по снегу

Зима стояла многоснежная. Городское кладбище занесло по самым макушкам крестов и памятников.

Меж двух оград, утопая по пояс, пробирался человек. Он разгребал снег руками, ставил в получившееся гнездо ногу и снова разгребал, готовя место для другой ноги.

Мужчина явно пришел пешком, и не было при нем ни цветов, ни сумки, ни лопаты. Когда он, почти полулежа, отбрасывал влево-вправо рыхлые комья, издали казалось, что он плывет по снегу.

Наконец он добрался до заветной ограды, перешагнул через нее, обняв памятник со спины за углестые плечи. Сделал передышку. Откинул снег от мрамора и старательно вытер варежкой вынырнувший овал фотографии. Кто глянул на него — мать? жена? товарищ? Скорее всего жена. Будь она жива, не пустила бы одного в такую даль да в морозный день. Знать, жена.

Достал из кармана бутылку, глотнул из нее и остался сидеть на чугунной перекладине — то ли боль тушил, то ли тоску глушил, а может, запоздало винувал. Белый саван кладбища бежал от него к горизонту, выставив, как антенны, прозрачные кроны берез. Земля вслушивалась в небо, небеса вглядывались в землю. Человек смиренно сидел на ограде, где для него сошлись земля и небо.

Господи, даруй утешение идущему на поклон вплавь по снегу!

Дорогой к Богу

Владимир ДАНИЛОВ
Настоятелю Михайло-Архангельского храма
протоиерею отцу Флору

В полсотню с лишним
путь-дорогу
Я от рожденья прошагал.
И вот теперь, пришедши к Богу,
Увидел, как я слаб и мал.
В недавнем прошлом был
марксистом,
Других от Бога отвращал.
Ходил в активных коммунистах
И даже лекции читал.
Читал про то, что и без Бога
Свет коммунизма мы зажжем.
Еще чуть-чуть, еще немного,
И мы прекрасно заживем.
А время шло, летели годы.
Как вдруг однажды грянул гром.
И света нет, и нет свободы,
И мы идем не тем путем...
Такие беды и напасти
На нас свалились неспроста —
Ведь с первых дней

советской власти
Мы отвернулись от Христа.
Про крах страны

в былых масштабах
Еще расскажет кто-нибудь.
Таким же в рывтинах, ухабах
Был лично мой безбожный путь.
В той жизни прошлой,

затрапезной
Я был то в буйстве, то в тоске,
И много раз над жуткой бездной
Висел почти на волоске.
Кошмар Содомы и Гоморры
В душе я пережил не раз.
Хотел, чтоб саван колена
Меня покрыл в последний час.
И вот теперь почти в полночь
Я вижу тот осенний день,
Когда, совсем дойдя до точки,
Заметил рядом смерти тень.
Я брел по улице пустынной,
На зорьке листьями шурша.
Куда я шел дорогой клинкой,
Моя не ведала душа.

Четвертый круг качу в трамвае.
Вдруг слышу: будто бы зовут.
И голос внутренний вещает:
«Ступай во Храм, тебя там ждут».
Не торопясь иду к храму,
Заметен он издали.
Его святую панораму
Венчают в небе облака.
В ушах звенит, в желудке пусто.
В худом кармане — ни гроша.
До покинута, до хруста
В груди сжимается душа.
Теперь мне объяснять не надо,
Чей Высший промысел привел
К церковной крашеной ограде,
Где ждал меня священник Флор.
По воле свыше, по наитию,
Вдруг осознав, что не один,
Я попросил: «Не прогоните,
Я к Вам пришел,

как блудный сын».
... Десятый день живу
при храме.
Мне раньше было невдомек,
Что с песнопениями, с псалмами
Забрезжит Веры огонек.
Огонь Любви

и всплеск Надежды,
Свет Божества, рассеяв тьму,
Сорвали грязные одежды
С души. Они ей ни к чему.
Однажды бабка-прихожанка —
Мне не забыть ее вовек —
Сказала: «В церкви я служанка,
А ты здесь — божий человек».
Так, день за днем,

своим примером
Служенья Богу пастырь Флор,
Вооружив святою верой,
сказал: «Иди!» И я пошел.
В обнимку с раненой державой,
Но с верой в Бога и в народ.
Я знаю, что в красе и славе
Спаситель мира к нам грядет.
Как мне помог советом, делом,
Прошу тебя помочь другим.
дай нам Любовь, Надежду, Веру,
Пробыть к Свету помоги.
Народ России многоликой,
Многострадальный мой народ,
В трудах и подвигах великий,
Достоин двигаться вперед.
Я, всей душой принявший Бога,
Как тот слепой, увидев свет,
Кричу вам: «Люди, вот дорога!
И ей почти две тыщи лет».
Прошу, покайтесь, помолитесь,
Быть может, первый в жизни раз.
Иисусу в ноги поклонитесь,
На крест взошел он ради нас.

КОММЕНТАРИЙ ВТОРОЙ. ОЦЕРК НРАВОВ

Римма ДЫШАЛЕНКОВА

Живые помощи

Есть в сердце тихое
молчаливое место, там
что-то молчит. И когда
сталкиваешься
с неодолимым, оттуда,
из сердечного озера
молчания, поступает
сигнал: «Читай
(живые помощи)».

Моя мама думала, что она неграмотная. Она не решалась читать библиотечные книги, но зато читала Псалтирь на церковно-славянском языке. И там, внутри кожаной толстой книги, где краснеют страшные большие буквы, до сих пор, как засушенный цветок, лежит тетрадный листок в линейку, и по нему детскими широкими буквами для меня мама записала «живые помощи»: выучи эту молитву, ее всякий должен знать.

Да, на «живые помощи» не поднималась рука даже у этих страшных доносчиков — воинствующих атеистов. Ведь в их дорожных сумках или кармашках наверняка лежала четвертинка бумаги, сунутая любимой бабушкой, и там круглились те же каракули: «Живый в помощи Вышнего, в крови Бога небесного водворится».

Фронтвики Великой Отечественной тоже признавались тайком и шепоточком, да с оглядкой, чтобы детям не навредить, что-де точно на войне «живые помощи» очень даже помогают.

А вот еще мама рассказывает: есть такая заповедь — больше Бога не скорби, больше Бога не радуйся. У одной девушки жених погиб. Она скорбит о нем, ждет его. Не верится ей. Ей бы надо «живые помощи» читать, а она мертвого жениха ждет. Ну и что же из этого получилось? Стал жених к ней являться, да и увел за собой в могилу. Больше бога нельзя скорбеть. В «живых помощи» так и говорится: «За то, что он возлюбил Меня, избавлю его, защищу его, потому что он познал имя мое... с ним я в скорби...»

— А что значит — больше Бога не радуйся?

— А вот обрати внимание на того, кто враспынную хохочет, смеется неудержимо, то и знай, что в его судьбе уже что-то печальное случилось, будет к вечеру плакать. Может быть, я чего-то не так понимаю, а только так говорю — больше Бога не радуйся. И ждать шибко нельзя — можешь не дожидаться, и любить человека больше Бога нельзя. Надорвешь-

ся. Ведь у Бога всего много. У человека меньше. Если надсаживаешься в чем-то, надо «живые помощи» читать.

Когда мое сердце и умишко окрепли, я вдруг заметила, что те, кто отваживался хоронить своих близких по христианскому обычаю, венчали лоб усопшего листочком бумаги, на котором стояли все те же «живые помощи», то есть и в могилу человек уходил, вооруженный этой молитвой: «прибежище мое и защита моя, бог мой, на него уповаю...»

Спасибо гуманитарному институту города Москвы, что он преподдал нам Библию, Евангелие и Псалтирь, как памятники мировой культуры.

Каково же было мое удивление, когда я обнаружила мамину, просторечные и простонародные бормотания «живые помощи» в Псалтири под грозным названием «Девяностый псалом».

Вот никогда не догадаешься, на какой тонкой ниточке держится связь миров. Оказывается, тишина моего сердца и готовность читать «живые помощи» в каждую трудную минуту связывает меня с прошлым веком, с тысячелетием, с соседними странами и тянется прямо в молодую, древнюю Иудею. Там за тысячу лет до Христа, то есть три тысячи лет назад,

впервые прошептал эту молитву, этот псалом своему грозному Богу Яхве царь Давид. Древний народ иудейский бережно хранит до сих пор предание о том, что именно царя Давида возлюбил Творец, он беседовал с ним через псалмы, которые пел царь Давид.

Высокий адрес выбрал царь Давид и установил контакт с Яхве через вот эти 150 псалмов — Псалтирь. Этот опыт контакта с Богом восприняли как духовное наследство христиане Средиземноморья, Европы. А затем они прибыли и к нам, и даже на Урал, к нам, живущим на краю христианской Ойкумены. И наконец к середине XX века наша связь с великим христианским движением повисла на ниточке девяностого псалма, того псалма, который народ назвал сильно и любовно: «живые помощи». Как же не верить в его силу, если ниточка связи не порвалась? Все псалмы надо было читать, а «живые помощи», то есть девяностый псалом, надо было знать на память.

Представьте себе древнего псалмопевца царя Давида в его непрерывной связи с Богом и как он услышал и впервые произнес «Псалом 90», царский псалом: «Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится».